

Воронятов С.В., Еременко В.Е. Металлургический центр Лютеж, сарматы и образование горизонта Лютеж-Рахны-Почеп: попытка интерпретации [«Лютежское пленение бастарнов» - миф или реальность?]

// Производственные центры. Источники, «дороги», ареал распространения. СПб 2006. С.88-93

*«И в небе и в земле сокрыто больше, Чем снится
нашей мудрости, Горацио.»
Шекспир*

Массовые переселения кочевых, полукочевых и оседлых народов, хорошо известные по упоминаниям письменных источников, почти не оставляют следов в археологических источниках (Клейн 1974). Это и египетский исход, и вавилонское пленение, и древние киммерийцы, а вслед за ними – сарматы, загадочные «кельтоскифы», кимвры и тевтоны, готы, гунны, викинги, монголо-татары, наконец. Причины таких переселений не всегда ясны: просто в определенный момент сотни тысяч, а то и миллионы людей буквально срываются с насиженных мест и, как лемминги, движутся, сметая все на своем пути. Ясна, как правило, только их цель: более богатые и плодородные земли, более «сытые» местности, занятые более развитыми культурами и цивилизациями. Археологи обычно не в силах отследить сам процесс переселений, и имеют дело лишь с его итогами – изменившимися в одночасье культурно-историческими картами (Ср. Щукин, Еременко 1999).

Одно из таких глобальных изменений происходит в Среднем Поднепровье на рубеже эр, когда на смену «классической» зарубинецкой культуре приходят памятники горизонта Рахны-Почеп (Щукин 1986).

Постзарубинецкое поселение у с. Лютеж Дымерского р-на Киевской обл. этого горизонта относится к немногочисленным памятникам раннеримского времени, исследованным широкой площадью: в 1962-1964 гг. было вскрыто более 16 000 кв.м. При интерпретации материалов памятника, в совокупности с его топографией, привязанной к выходу болотной руды, авторы раскопок пришли к выводу о том, что Лютеж - не обычное зарубинецкое поселение, а специализированный металлургический посёлок. Основания для такого определения были весомыми: слой поселения оказался насыщен железными шлаками и кричным железом; зафиксированы следы лишь трех жилых сооружений, характерных для зарубинецкой культуры, но при этом найдены остатки 15 сыродутных горнов и более 400 ям со следами металлургического производства (Бидзиля, Пачкова 1969).

Говоря о «классической» зарубинецкой культуре, следует отметить, что, например, по сравнению с синхронной ей пшеворской культурой здесь чрезвычайно редко встречаются предметы из железа. Найденные при раскопках немногочисленные шлаки и крицы свидетельствуют о том, что железо изготавливали на каждом поселении, но в малом количестве, способном удовлетворить лишь самые насущные потребности жителей именно этого поселения (Максимов 1993). Центров массовой добычи железа из бедных болотных руд, подобных Лютежу, в «классической» зарубинецкой культуре нет. Они появляются лишь при образовании постзарубинецкого горизонта Лютеж-Рахны-Почеп. На некоторых памятниках горизонта, наряду с жилыми, исследованы производственные зоны, а количество железных изделий в постзарубинецких слоях поселений по сравнению с предшествующими слоями возрастает в несколько раз (Воронятов 2004).

Почему такие кардинальные изменения в хозяйстве происходят именно на рубеже эр, когда прекращается использование всех «классических» зарубинецких могильников и целого

ряда поселений Поднепровья, и, соответственно, резко сокращается численность собственно зарубинецкого населения - теоретически прямого потребителя продукции Лютежского металлургического центра? Почему этот центр возникает и действует в период кризиса и распада классической зарубинецкой культуры? Кто, наконец, мог являться реальным потребителем продукции «лютежских ремесленников» в переломное время рубежа эр?

Поднять эти вопросы, стимулировать дискуссию и предложить свою оригинальную гипотезу - вот цель этой заметки.

Вслед за Д.А. Мачинским и М.Б. Щукиным (Мачинский 1971, Щукин 1972) мы считаем, что главной причиной кризиса «классической» зарубинецкой культуры стали именно набеги кочевников-сарматов.¹ Роль сарматов не только в кризисе «классической» зарубинецкой культуры, но и в сложении постзарубинецкого горизонта Лютеж-Рахны-Почеп может оказаться решающей, и вот почему.

Кочевая культура сарматских племён характеризуется широким использованием изделий из чёрных и цветных металлов, которые сами они вряд ли производили, по крайней мере, в достаточном количестве. Считается, что основная масса металлических предметов - оружие, конская сбруя, котлы, ювелирные изделия, бронзовые зеркала и т.д., производилась окружающим кочевников оседлым населением по их заказу и образцам (Мошкова 1989). Это прямо подтверждается пассажем Тацита о котинах и осах - народах, живущих в Карпатском регионе и с запада соседствующих с бастарнами: «Часть податей на них, как на иноплеменников, налагают сарматы, часть - квады, а котины, что еще унижительнее, добывают к тому же железо» (Тацит, «Германия», 43).

Можно предположить, что именно с сарматами, которым было необходимо железо, связано возникновение и функционирование металлургического центра Лютеж, а как побочный результат - увеличение количества железных изделий на собственно постзарубинецких памятниках. Именно сарматы-кочевники могли быть наиболее вероятными заказчиками и потребителями продукции постзарубинецких мастеров. Взаимоотношения сармат и «постзарубинцев» могли быть при этом далеко не равными. Зависимость зарубинцев-бастарнов от сармат подразумевает и М.Б. Щукин, когда пишет о возможном переселении сарматами зарубинецкого населения Полесья далеко на восток (Щукин 1994).

Недостаточное теоретическое изучение вопроса о взаимоотношениях и взаимовлиянии кочевого и оседлого населения в древности не позволяет опереться на фундаментальные разработки по данной тематике. Но эмпирическое объяснение причин ряда аналогичных археологических явлений, вызванных столкновениями интересов носителей разных хозяйственно-культурных типов, существует.

Вот, например, цепь археологических явлений, выявленная практически для той же территории лесостепного Поднепровья раннескифского времени фазы В₁ (650/640 – 560-550 гг. до н.э.):

- 1) Прекращение существования милоградских памятников восточного Полесья;

---

¹ Группой авторов предложена оригинальная гипотеза о существенном изменении климата на рубеже эр, в результате которого начался существенный отток зарубинецкого населения из Среднего Поднепровья и изменение топографии поселений (Обломский, Терпиловский, Петраускас 1990; ср. Егорейченко 2004). Нам представляется, что набеги сармат более убедительная причина, т.к. слишком уж быстр и резок переход от «классической» зарубинецкой культуры к постзарубинецким памятникам - изменения средневропейского климата обычно не так резки и сильно растянуты во времени. Впрочем, одна гипотеза не исключает другой.

2) Появление в женских скифских погребениях украшений, характерных для синхронного периода IVa кобанской культуры;

3) Появление на территории, занятой скифами в Среднем Поднепровье, памятников подгорцевского варианта милоградской культуры с небывало высоким уровнем развития бронзолитейного дела, не имеющего корней ни в милоградской, ни в скифской культурах.

Эти факты эмпирически объясняются по аналогии с монгольским нашествием: возвращаясь из походов в Центральную Европу и Переднюю Азию, скифы не только несли с собой награбленное, но и уводили полонянок и умелых мастеров, сажая их на земли на северной периферии своей территории. Именно эти мастера могли производить кобанские по происхождению предметы из бронзы, найденные на памятниках подгорцевского варианта милоградской культуры и в женских скифских погребениях (Ерёменко 1997).

Цепь археологических явлений рубежа эр до деталей совпадает с картиной, выявленной для скифского времени:

1) Прекращение жизни на «классических» зарубинецких памятниках Полесья;

2) Массовое появление в сарматской культуре дериватов (не импортов!) многих типов позднелатенских и раннеримских фибул (ср. Берлизов, Еременко 1998). С другой стороны – появление на «постзарубинецких» памятниках многочисленных типов вещей, связываемых по происхождению с сарматами. Это бусы из египетского фаянса в могильниках Рахны и Субботово, на позднезарубинецких поселениях Побужья (Носовцы) и Подесенья (Почеп); целый комплекс элементов южной сарматской «окраски», включая специфическое оформление фибул, изображение тамг на керамике и кочевнические черты в исследованных остатках одной из построек на Почепском селище (Воронятов, в печати).

3) Появление крупнейшего металлургического центра Лютеж, в материалах которого собственно сарматской по происхождению исследователи пока считают лишь пирамидальную подвеску из тёмно-синей пасты (Бидзиля, Пачкова 1969).

Таким образом, археологические источники свидетельствуют, что «переселенческую политику» в отношении покоренных племен могли проводить не только монголы двенадцатью веками позже и, предположительно, скифы шестью веками раньше, но и сарматы в I в.н.э. Именно они могли собрать мастеров-металлургов - носителей частично разгромленных, частично покоренных зарубинецких племен, поселить их на своей северной периферии - в Поднепровье и организовать производство металла для собственных нужд и изделий из него.

Были ли сарматы основными организаторами Лютежского металлургического центра, работавшего в период распада «классической» зарубинецкой культуры, и главными заказчиками и потребителями его продукции? Это вопрос вряд ли найдет однозначное решение без проведения широкой серии сравнительных металлографических анализов представительных выборок «постзарубинецких» и синхронных сарматских металлических изделий. Но нельзя не отметить, что сходство археологической ситуации практически на одной и той же территории в скифское (VII-VI вв. до н.э.) и сарматское (I в.н.э.) время просто поразительно! Две недоказанные гипотезы явно подтверждают друг друга.²

---

² Вопрос к специалистам по археологическим культурам Среднего Поднепровья других эпох (например, каменного и бронзового веков, а также средневековья): а не наблюдают ли и они здесь нечто похожее? И не являлась ли территория Среднего Поднепровья и Нижнего Подесенья в разные времена, по крайней мере периодически, эдакой «технологической резервацией»? Если выяснится, что «да» - перед нами возникнет интереснейший культурно-исторический феномен, четко локализованный географически, в рамках которого и необъяснимое частое появление здесь «посадочных кругов» правильной геометрической формы на засеянных полях уже в наше время тоже может найти свое объяснение.